

УДК 811.111'271(045)

*Н.И. Пушина***ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ВОСПРИЯТИЯ «ЧУЖОЙ» КУЛЬТУРЫ И ЕЕ МАНИФЕСТАЦИИ В ЯЗЫКЕ: ВРЕМЯ, МЕСТО, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ**

В статье рассматриваются особенности восприятия британской культуры и ее манифестации в языке представителями американской и русской культур Б. Брайсоном и Н.М. Карамзиным. Анализируются путевые заметки Б. Брайсона и Н.М. Карамзина, путешествующих по одному и тому же маршруту из Франции в Британию из Кале в Дувр с разницей во времени в 200 лет, в веке 20-м и 18-м. Впечатления вполне сопоставимы, эмоционально насыщены, что фиксируется в стилистике языка, отражают реалии своего времени и позволяют отметить динамику лингвокультурологического контекста, обусловленную изменениями в социальной, культурной жизни общества, его экономическим и техническим прогрессом. Новые визиты Б. Брайсона в Дувр уже в 21 веке отмечены ностальгией по прошлому, сожалением об утраченном, о переменах, наблюдаемых в современном Дувре, медленно лишаящих его былой славы, былого значения.

Ключевые слова: авторское восприятие, «чужая» культура, реалии, прецедентные феномены, прецедентные имена, традиции, национальный характер.

Проблема союза языка и культуры, базирующаяся уже на общепринятых высказываниях о том, что «Язык не существует ... вне культуры, вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [4. С. 185]; «Язык – форма всякой культуры» [5. С. 903] и т.д., сегодня связана с выявлением реальных механизмов, «как именно язык отражает культуру и как на деле культура живет в языке» [1. С. 17]. При таком подходе особенности авторского восприятия «чужой» культуры и ее манифестации в языке приобретают решающее значение. Однако следует иметь в виду, что некоторые стороны объектов и концептов открыты в равной степени носителям разных культур, другие менее доступны представителям иной культурной общности. Н.С. Трубецкой, в связи с этим, рассматривает закон многообразия национальных культур, который затрудняет общение между представителями разных народов, но поскольку национально-культурное дробление не переходит «известного органически необходимого предела», последствия его для человечества благотворны и положительны [6. С. 330]. Самые ценные сведения лингвокультурологического характера предоставляют нам путешественники, делясь впечатлениями от увиденного, пережитого в своих записках, письмах, отдельных очерках, публицистических изданиях – путевой прозе.

В частности, одним из таких источников является известная публицистика Б. Брайсона с ее острым взглядом, способная воплотить самые тонкие нюансы наблюдений и впечатлений от многочисленных путешествий автора по Британии. Б. Брайсона называют британцем, хотя родился он в Айове в 1951 году и поселился в Англии, в любимом Северном Йоркшире в 1977 г. По прошествии многих лет Б. Брайсон и его семья переезжают в Америку, затем вновь возвращаются в Соединенное Королевство. Сегодня Б. Брайсон – автор очень популярных книг, ученый, занимающийся популяризацией науки. Нашему российскому читателю хорошо известно русское издание «Краткой истории почти всего на свете», которая получила международное признание и стала мировым бестселлером, а ее автор, по мнению *Seattle Times*, завоевал репутацию блестящего, эксцентричного, красноречивого рассказчика, добавим, бесспорно, талантливый и глубокий.

Обратимся к не менее известной книге Б. Брайсона «Notes from a Small Island» («Остров Ее Величества. Маленькая Британия большого мира»), опубликованной в 1992 году.

Первое знакомство автора с Англией произошло туманным мартовским поздним вечером, точнее, в полночь в 1973 году, когда он на пароме прибыл в Дувр из Кале. Какое-то время он наблюдал за движением в терминале машин, грузовиков, людей, сосредоточившихся в одном направлении на пути в Лондон. Затем наступила тишина, и он побрел по спящим, слабоосвещенным улицам. В тот момент ему показалось, что этот английский город принадлежит только ему. Совсем как в фильме – *Bulldog Drummond*, американском фильме (1929), в котором ветеран Первой мировой войны, помогает молодой красивой женщине, оказавшейся на грани отчаяния.

И тут возникли проблемы с устройством на ночлег, все отели и гостиницы оказались закрытыми, не смог он уехать и в Лондон, так как вокзал тоже был закрыт. Не состоялся и воображаемый

английский ужин из бутерброда с ростбифом, маринованного огурца, картофельного салата и бутылочки пива: "...just a roast beef sandwich and a large dill pickle with perhaps some potato salad and a bottle of beer" [8. С. 11-12]. Постучавшись в один из гостевых домов, он получил достаточно резкий, полный недовольства ответ о том, что они закрыты на ночь, а поужинать он может в отеле под названием «Черчилль» – *The Churchill*. Как это и подобает отелю с таким названием, он сиял огнями и готов был к приему посетителей. Сквозь окно автор мог видеть находившихся там людей – учтивых, элегантных, одетых в костюмы, подобно персонажам из пьесы Ноэля Коварда – английского драматурга, актера, композитора и режиссера, мастера «хорошо сделанной пьесы» с остроумными диалогами, полными иронии и юмора: "*The Churchill was sumptuous and well lit and appeared ready to receive visitors. Through a window I could see people in suits in a bar, looking elegant and suave, like characters from a Noel Coward play. I hesitated in the shadows, feeling like a street urchin*" [8. С. 12]. Ему стало понятно, что он не соответствует данному месту. К тому же днем раньше, когда он еще находился во Франции, ему пришлось заплатить немалую сумму за ночь, проведенную в гостинице, и за еду весьма непонятного содержимого и качества. С большой неохотой писатель побрел прочь от Черчилля, снова оказавшись в темноте: "*So I turned reluctantly from the Churchill's beckoning warmth and trudged off into the darkness*" [8. С. 12].

В итоге ему пришлось заночевать на скамейке, под шум плещущегося моря, изредка просыпаясь от звуков гудка, подающего сигналы судам во время тумана. Здесь невольно возникают ассоциации с очерком Г.К. Честертон «Пряность жизни», где он писал: «Однако я никогда не забуду, что самое глубокое и полное счастье я испытывал в самых привычных, а потому в самых экзотических местах.. Нигде не был я более счастлив, чем в промозглom зале ожидания на каком-нибудь заброшенном полустанке. Нигде не чувствовал я себя бодрей и естественней, чем сидя на железной скамейке под безобразным уличным фонарем на каком-нибудь заштатном курорте. Одним словом, я испытывал неподдельное удовольствие от самого факта своего существования как раз в тех местах, про которые говорят, что они скучны, как стоячая вода» [7. С. 320].

Наблюдательность автора, острота восприятия им нового позволяет ему сообщить немало культурной информации, информации лингвострановедческого и лингвокультурологического характера, погрузить читателя в контекст Англии 70-х годов 20 века. Портовая жизнь, где все отработано до мелочей, то бурлит, то затихает: "*For twenty minutes, the terminal area was as warm with activity as cars and lorries poured forth, customs people did their duties.... Then abruptly all was silence...*" [8. С. 11]. Стук молочных бутылок у двери гостиницы – традиция, которая жива и по сей день в Британии, выставлять за дверь пустые молочные бутылки с тем, чтобы наутро обменять их на бутылки с молоком: "*The front path was pitch dark and in my eagerness an unfamiliarity with British doorways, I tripped on a step, crashing face-first into the door and sending half a dozen empty milk bottles clattering*" [8. С. 12].

Отель под названием «Черчилль», вряд ли останется незамеченным, возможно, это одна из самых известных достопримечательностей Дувра. Имя У. Черчилля – Британского государственного деятеля, премьер министра Великобритании в 1940-1945 гг., 1951-1955 гг., военного журналиста, писателя, почетного члена Британской академии, лауреата Нобелевской премии по литературе, названного величайшим британцем в истории, завораживает путешественников, служит символом и воплощением Истеблишмента.

Ранним утром (5. 55 a.m.) начался иной отсчет времени. Возник вопрос, куда податься в такой ранний час. Отель Черчилль мирно спал, зато появился пожилой мужчина, выгуливающий собаку. С ним то и завязался традиционный вежливый фатический (контактоустанавливающий) английский диалог, после взаимного приветствия, о погоде: "*The man nodded a good-morning as I drew level. 'Might turn out nice,' he announced, gazing hopefully at a sky that looked like a pile of wet towels*" [8. С. 14]. Писатель спросил его о том, где можно было бы поесть в столь ранний час. Оказалось, что неподалеку находится лучшее в Кенте кафе для водителей разного рода транспорта: "*Best transport caff in Kent*", he said. Писатель не сразу понял, что ему сказал пожилой человек, так как слово *caff* он принял за *calf* – кафе прозвучало как *теленочек*. Такой прием называется *малапропизмом* и в литературе используется, как правило, для создания комического эффекта. Но собеседник продолжал в той же учливой манере, столь свойственной настоящим англичанам с врожденным чувством вежливости и английским чувством юмора: "*Very popular with the lorry drivers. They always know the best places, don't they?*" [8. С. 14]. Он дружелюбно улыбнулся, а затем, наклонившись, почти шепотом доверительно спросил писателя, не хотел ли бы тот снять с головы шорты, прежде чем отправиться в кафе. Да, это были те шорты, которые писатель

натянул на голову, спасаясь от ночного холода, и забыл их снять, в отличие от перчаток и другой одежды. Пожилой человек вновь стал изучать небо, добавив при этом, что определенно проясняется. Но когда писатель отправился в кафе, начался мелкий дождик: *“He smiled amiably, then lowed his voice a fraction and leaned towards me as if about to share a confidence. ‘You might want to take them pants off your head before you go in.’*

I clutched my head – ‘Oh!’ – and removed the forgotten boxer shorts with a blush. I tried to think of a succinct explanation, but the man was scanning the sky again.

‘Definitely brightening up,’ he decided, and dragged his dog off in search of new uprights. I watched them go, then turned and walked off down the promenade as it began to spit with rain” [8. С. 14].

И в этом описании нового дня сказано многое об англичанах – об их доброжелательности, вежливости, чувстве юмора, об отношении к почти святому – погоде, ее изменчивости и т.д., о том, что определяется как английский менталитет (Дж. Майкс, К. Фокс, А. Джиева и др.).

Кафе оказалось просто замечательным – живым, дымящимся от вкусной еды и уютно теплым. В большой тарелке писателя оказались яйца, бобы, поджаренный хлеб, бекон и сосиски, а также и дополнительная тарелка с хлебом, маргарином, еще две чашки чая, и все это за 22 пенса. Настоящий английский завтрак. После такой еды писатель почувствовал себя другим человеком и с удовольствием наблюдал, как Дувр приходит к жизни. Конечно, при свете дня Дувр не претерпел значительных изменений, но писателю он понравился, понравился его воздух, его камерность, понравилось, что все здоровались друг с другом, понравилось ощущение того, что это был обычный день в Дувре, и никому и в голову не пришло выделить этот день из общей череды дней. Ни у кого в Дувре не нашлось бы какой-то особой причины запомнить 21 марта 1973 года, за исключением самого писателя, детишек, родившихся в тот день, и, возможно, одного пожилого человека с собачкой, встретившего молодого путешественника, у которого на голове были шорты.

Писателю предстояло задержаться в Дувре на целых пять дней. Таковы были условия хозяйки небольшой гостиницы, где он снял комнату. Хозяйка никак не соглашалась сдавать комнату на более короткий срок. Однако позже обстоятельства позволили ему покинуть Дувр раньше. Было немало встреч и знакомств, писатель вызывал любопытство у постояльцев гостиницы, порой беседы оставляли весьма неприятный осадок. Как-то вечером, возвратившись в гостиницу после прогулки по городу и посещения кинотеатра, автор оказался в гостиной, где постояльцы собрались на чай, а заодно и посмотреть телевизор. Один из них был рад узнать, что писатель – американец и стал дотошно расспрашивать его об Америке. Ответы на вопросы вызвали у любопытствующего постояльца крайнее удивление и даже раздражение, в особенности вопрос о кукурузных хлопьях (*cornflakes*), которые «неожиданно» оказались американским изобретением. В результате, писатель услышал весьма язвительное замечание по поводу целесообразности его приезда в Британию, коль скоро в Америке есть все и даже хлопья. Вскоре, после ряда коммуникативных неудач писатель приходит к печальному выводу о том, что в Дувре ему суждено было оставаться без друзей: *‘And what about cornflakes?’*

‘I beg your pardon?’

‘Do you have cornflakes in America?’

‘Well, actually, they’re American, too.’

‘Never.’

I smiled weakly...

‘Fancy! So what brings you to Britain then if you have cornflakes already?’

“... and I realized that I was now, and would doubtless forever remain friendless in Dover” [8. С. 23-24].

Не было взаимопонимания и с хозяйкой гостиницы. Она постоянно придиралась, постоянно выговаривала то за одно, то за другое – за не выключенный свет, за крышку от унитаза, за горячую воду, за завтрак и т.д. После этого он старался находиться в комнате как можно меньше. Когда же он оставался в гостинице, то делал все, чтобы его не было слышно, чтобы не скрипела кровать, когда он поворачивался с одного бока на другой. Принятые в гостинице правила и распорядок дня были совершенно непривычными для писателя: *“... a formidable creature of late middle years called Mrs Smegma, who showed me to a room, then gave me a tour of the facilities and outlined the many complicated rules for residing there – when breakfast was served, how to turn on the heater for the bath, which hours of the day I would have to vacate the premises and during which brief period a bath was permitted, how much notice I should give if I intended to receive a phone call or remain out after 10 p.m., how to flush the loo and use the loo brush, which materials were permitted in the bedroom waste-basket and which had to be careful-*

ly conveyed to the outside dustbin, where and how to wipe my feet at each point of entry, how to operate the tree-bar fire in my bedroom and when that would be permitted (essentially, during an Ice Age). This was all bewilderingly new to me» [8. С. 15-16].

Не удивительно, что сравнение, которое писатель проводит по этому поводу с его страной, оказывается отнюдь не в пользу Британии. Там беспорядок в мотеле после 10 часового пребывания и отъезд ранним утром в порядке вещей. Там все просто: *“Where I came from, you got a room in a motel, spent ten hours making a lavish and possibly irredeemable mess of it, and left early the next morning” [8. С. 16].*

Наконец, испытываемые им унижения подошли к концу. Очередная претензия хозяйки дала ему возможность договориться с ней о досрочном отъезде после завтрака. Скорым поездом писатель уехал в Лондон, сократив, тем самым, свое пребывание в Дувре.

Так началось путешествие Б. Брайсона на Британские острова, постижение Британской культуры через реалии, прецедентные феномены, имена, традиции британцев, их национальный характер, их восприятие иностранцев, их язык со всей его спецификой:

Dover, Kent, Marine Parade;

Churchill, Noel Coward, Martina Navratilova;

Wimbledon;

Penguin books, The Times, The Daily Mirror;

Bulldog Drummond;

A roast beef sandwich, a large dill pickle, potato salad, a bottle of beer, eggs, beans, fried bread, bacon and sausage, bread and marge, tea, tea with milk, cornflakes;

Half a dozen empty milk bottles;

Transport caff, a small Italian restaurant;

Ferry, foghorn, ship’s foghorn, a beacon from the lighthouse;

Hotel, guesthouse, boarding-house, motel и др. и которые с течением времени претерпели заметные изменения, либо ушли из жизненного пространства, либо непонятны современным жителям, либо устарели и требуют пояснений.

Двумя столетиями ранее на берега туманного Альбиона по тому же маршруту из Кале прибыл русский путешественник, писатель Н.М. Карамзин, открывший русским людям огромный мир напряженной социальной, политической и духовной жизни народов Западной Европы. 17 мая 1789 года из Твери через Петербург, Нарву, Дерпт, Ригу 23 летний Н.М. Карамзин выезжает в дальнее путешествие по Европе. Посетив Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию и Англию, он возвращается на родину в сентябре 1790 года. После этого путешествия появилось одно из крупнейших и популярнейших произведений русской литературы конца XVIII века «Письма русского путешественника».

Тогда Кале произвел на Н.М. Карамзина не очень приятное и даже печальное и бедное впечатление, за исключением трактиров и ужина, но и это было подпорчено шумным поведением англичан:

«Что вам сказать о Кале? Город невелик, но чрезвычайно многолюден, – и англичане составляют по крайней мере шестую часть жителей. Дома невысокие – в два этажа, а роскошь видна только в одних трактирах. Впрочем, все кажется мне здесь печальным и бедным. Воздух напоит сыростью и тонкою морскою солью, которая неприятным образом щекотит нервы обоняния. Ни для чего в свете не хотел бы я жить здесь долго!» [2. С. 426].

«За ужином ели мы прекрасную рыбу и свежих морских раков, отменно вкусных. Тут сидело человек сорок; между прочими семь или восемь англичан, которые только что переехали через канал и намерены странствовать по всей Европе.

Я пришел в свою комнату, бросился на постель и заснул, но через несколько минут разбудил меня шум веселых англичан, которые в другой горнице кричали, топали, стучали и проч. и проч. С полчаса я терпел, наконец кликнул слугу и послал его напомнить британцам, что они не одни в трактире и что соседи их, может быть, хотят тишины и спокойствия. Сказав несколько раз «Год дем», они замолчали» [2. С. 426].

Вместо парома, а позже и Туннеля под проливом, соединяющих сейчас Францию и Британию, тогда «курсировал» пакетбот – старинное почтовое (почтово-пассажирское) судно для перевозок почты морским путем. Путешествие занимало несколько часов, было опасным, если море штормило, пассажиры страдали от морской болезни, но были полны приятных ожиданий от скорой встречи с родными, друзьями, домом:

«Мы уже три часа на море; ветер пресильный; многие пассажиры больны. Берег французский скрылся от глаз наших – английский показывается в отдалении.

Вместе с нами сели на пакетбот молодой лорд и две англичанки, жена и сестра его; они возвращаются из Италии. Лорд важен, но учтив. – Лади и мисс любезны. С каким нетерпением приближаются они к отечеству, к родственникам и друзьям своим, после шестилетней разлуки! С какою радостью говорят о тех удовольствиях, которые ожидают их в Лондоне! – Ах! Я завидовал им от всего сердца!» [2. С. 427].

Но вот показался Дувр, его башни, а с ними автор испытал и первые эмоциональные впечатления от увиденного, от «той земли, которую в ребячестве любил с таким жаром»:

«Уже открывается Дувр и высокие башни, в которых ночью зажигают огонь для безопасности плавателей. Нигде не видно зелени; везде песчаные холмы, песчаные равнины. Мы близко к берегу, но еще буря может унести нас далеко в необозримую морскую – еще опасность не миновалась – еще корабль наш может удариться о подводные граниты и погрузиться в шумящей бездне! Тогда... adieu!

Берег! Берег! Мы в Дувре, и я в Англии – в той земле, которую в ребячестве своем любил я с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы. – Здесь все другое: другие дома, другие улицы, другие люди, другая пища – одним словом, мне кажется, что я переехал в другую часть света» [2. С. 427].

Англия произвела сильное впечатление на Н.М. Карамзина. Он называет ее кирпичным царством – все дома построены из кирпичей и покрыты черепицей, отмечает широкие и отменно чистые улицы. А реалия тротуары – камнем выстланные дорожки для пешеходов, выделена в тексте особым шрифтом. Восхищается Карамзин и милыми англичанками:

«Англия есть кирпичное царство; и в городе и в деревнях все дома из кирпичей, покрыты черепицею и некрашены. Везде видите дым земляных угольев; везде чувствуете их запах, который для меня весьма неприятен; улицы широки и отменно чисты; везде тротуары, или камнем выстланные дорожки для пешеходов – и на каждом шагу – в таком маленьком городке, как Дувр, – встречается нам красавица в черной шляпке, с кроткою, нежною улыбкою, с посошком в белой руке.

Так, друзья мои! Англию можно назвать землею красоты – и путешественник, который не пленится милыми англичанками; который, – особливо приехав из Франции, где очень мало красавиц, – может смотреть равнодушно на их прелести, должен иметь каменное сердце. Часа два ходил я здесь по улицам единственно для того, чтобы любоваться дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу; «Если ты не был в Англии, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала!» [2. С. 429].

Не остались незамеченными достопримечательности Дувра, которые подробно описываются автором:

«Нет, друзья мои! я имел еще столько сил, чтобы взойти на превысокую гору и видеть там древний замок, колодезь в 360 футов глубиною и медную пушку длиною в три сажени, которая называется карманным пистолетом королевы Елисаветы.

Я сел отдыхать на вершине горы, и великолепнейший вид представился глазам моим. С одной стороны – вся Кентская провинция с городами и деревнями, рощами и полями, а с другой – бесконечное море, в которое погружалось солнце и пестрели разноцветные флаги, где белелись парусы и миллионы пенистых валов» [2. С. 430].

Не мог Н.М. Карамзин не обратить внимания на то, как его попутчики приветствовали родной берег:

«Английский лорд, любезная жена и милая сестра его, вышедши на берег, с нежностью обняли друг друга. «Берег моего отечества!» – сказал лорд. – Я благословляю тебя!» – Они дали мне свой лондонский адрес и поехали в наемной карете» [2. С. 430].

Но затем возникли сложности в трактире, где Карамзин остановился на ночлег. И здесь уже было не до любезностей. У писателя грубо требовали денег:

«Когда я пришел в трактир, где мы остановились ночевать, то в первой комнате окружили меня семь или восемь человек, весьма худо одетых, которые грубым голосом требовали денег. Один говорил: «Дай мне шиллинг за то, что я подал тебе руку, когда ты сходил с пакетбота»; другой: «Дай мне шиллинг за то, что я поднял платок твой, когда ты уронил его на землю»; третий: «Дай мне два шиллинга за то, что я донес до трактира чемодан твой». Четвертый, пятый, шестой – все требовали, все объявляли права свои на мой кошелек; но я, бросив на землю два шиллинга, ушел от них. Судите, любят ли здесь деньги и дешево ли ценят англичане труд свой?» [2. С. 430].

Вскоре обнаружилась еще одна черта, также связанная с любовью англичан-таможенников к деньгам и их умением наживаться на исполнении своих должностных обязанностей:

«Еще другая черта. Все наши сундуки и вещи принесли с пакетбота в таможеню. «У меня нет ничего запрещенного, - сказал я осматрищикам, - и если вы поверите моему честному слову и не будете разбивать моего чемодана, то я с благодарностью заплачу несколько шиллингов. – «Нет, госу- дарь мой! – отвечали мне, - нам должно все видеть». – Я отпер и показал им старые свои книги, бу- маги, белье, фраки. «Теперь, - сказали они, - вы должны заплатить полкроны». – «За что же? – спросил я. – Разве вы были снисходительны или нашли у меня что-нибудь запрещенное?» - Нет, но без этого не получите своего чемодана». Я пожал плечами и заплатил три шиллинга. – И так ан- глийские таможенные приставы умеют строго исполнять свою должность и притом ... наживать- ся» [2. С. 430].

А описание английской кухни, английского ужина, который не состоялся у Б. Брайсона, напо- минает приводимое им описание английского завтрака в уютном кафе 21 марта 1973 года:

«Мне хотелось видеть английскую кухню. Какая чистота! На полу нет ни пятнышка; кастрю- ли, блюда, чашки – все бело, все светло, все в удивительном порядке. Каменные уголья пылают на большом очаге и розовым огнем своим прельщают зрение. Хозяйка улыбнулась очень приятно, когда я сказал ей: «Вид французской кухни нередко отнимает аппетит; вид вашей кухни производит его».

«Ужин наш состоял из жареной говядины, земляных яблок, пудинга и сыру. Я хотел спросить вина, но вспомнил, что в Англии нет виноградных садов, и спросил портера. Бутылка самого худого шампанского или бургонского стоит здесь более четырех рублей» [2. С. 430-431].

Земляными яблоками тогда называли картофель. А история такого названия связана с тем, что картофель сначала был принят европейцами как декоративное растение. Романтичные французы придумали странному овощу имя *potte de terre*. Русское слово «картофель» имеет другую историю и получило распространение во второй трети XVIII века. Бельгиец де Севри дал растению название «тартуфель» за сходство картофелины с трюфелем. Указывают также и на итальянское *tartufo* (трюфель). Позже в Германии это слово превратилось в *Kartoffeln*.

За ужином Карамзин выбирает *портер* – темное пиво с характерным винным привкусом, силь- ным ароматом солода и насыщенным вкусом, в котором одновременно присутствуют и сладость, и горечь, объясняя это отсутствием в Британии виноградных садов. Упоминается и бургонское – рус- ское традиционное название высоких французских вин разных типов (сухих, белых, красных, игри- стых, десертных), обладающих тем общим признаком, что они изготавливаются из винограда, и шам- панское, стоивших достаточно дорого, более четырех рублей.

Увиденный Н.М. Карамзиным мир, открывшаяся перед ним картина мира Англии, отобрази- лись в языке во множестве примечательных деталей местного колорита, истории, традиций, поведе- ния англичан, их национального характера, сословной принадлежности, экономического, политиче- ского и культурного положения страны, разного рода реалиями, в специальной лексике, экспрессив- ных элементах:

Кале, Дувр, Кентская провинция, Лондон, Европа, Италия, отечество;

Сырость, морская соль, морская болезнь, пакетбот;

Трактир, горница, кастрюли, блюда, чашки, каменные уголья, земляные уголья, большой очаг;

Свежие морские раки, рыба, жареная говядина, земляные яблоки, пудинг, сыр, портер, шампанское, бургонское;

Песчаные холмы, песчаные равнины;

Высокие башни, древний замок, колодезь в 360 футов глубиною, медная пушка длиною в три сажени, карманный пистолет королевы Елисаветы;

Паруса, разноцветные флаги;

Таможенные приставы, шиллинг, полкроны;

Кирпичные дома, черепичные крыши, земляные уголья, тротуары, камнем выстланные дорожки для пеших, город, деревня;

Милостивые англичанки, дуврские женщины, черная шляпка, посошок в белой руке;

Лорд, лади, карета и др.

О том, что описание представлено русским человеком, сообщают особенности русского языка XVIII века и употребление русских реалий для обозначения английских реалий: *трактир, горница,*

сажень, приставы, пешие, посошок (трость), земляные яблоки (картофель), земляные уголья, спросил (вместо попросил); отнимать и производить в сочетании с аппетитом: «Вид французской кухни нередко **отнимает** аппетит; вид вашей кухни **производит** его»; кликать, странствовать; отпираться: «Я отпер и показал им старые свои книги, бумаги, белье, фракки; особенности в произношении и написании отдельных реалий – колодезь, Елисавета, домы, лади, ю радостию, уголья, вышедши. Особенности в обращении: «Нет, государь мой! – отвечали мне, – нам должно все видеть». К русскому читателю Н.М. Карамзин обращается: «Друзья мои!»; «Так, друзья мои!».

Реалии Англии конца XVIII века, отмеченные Н.М. Карамзиным, важны и в современном мире. Некоторые по-прежнему являются достопримечательностями, например, 23-х фунтовое оружие, известное в народе как «Карманный пистолет королевы Елизаветы». В действительности оружие было изготовлено в Утрехте и подарено императором Карлом V Генриху VIII. Пушка богато украшена эмблематическими группами, олицетворяющими мир и войну, и имеет на казенной части изысканную надпись на фламандском языке, которая приблизительно переводится следующим образом:

Через холмы и доли я бросаю свои ядра,

Имя мне взломщик стен и валов.

(Уильям Карман. История огнестрельного оружия. С древнейших времен до XX века.).

Не ускользнули от взора Карамзина и особенности женской моды XVIII века, благодаря его вниманию и восхищению дуврскими красавицами. Эта информация ценна тем, что в 70-е гг. XVIII века значительную роль начинает играть английская мода, связанная с культом чувств, простоты, стремлением сблизиться с природой. К 80-м гг. XVIII века в моду вошли перчатки, зонтик, лорнет. В Англии трость вошла в моду в XVII веке, а в XVIII веке мода на трость затронула и дам. Карамзин говорит о красавице в черной шляпке, с кроткою нежною улыбкою, с посошком в белой руке.

Первые впечатления от Англии передаются Н.М. Карамзиным достаточно экспрессивно с использованием ряда стилистических приемов: метафор, метонимий - *бесконечное море, в которое погружалось солнце; пестрели разноцветные флаги; кирпичное царство; каменное сердце*; гиперболы: *миллионы пенистых валов, бесконечное море*; эпитетов – прилагательных в превосходной степени, образуемых в соответствии с правилами и традициями русского языка: *самое худое шампанское или бургонское, великолепнейший вид, превысокая гора*; прилагательных, наполненных особым поэтическим смыслом: *розовый огонь; миловидные англичанки, удивительный порядок, кроткая, нежная улыбка, любезная жена, милая сестра*; многочисленных повторов, параллельных конструкций, в том числе и восклицательных – *Здесь все другое: другие домы, другие улицы, другие люди, другая пища – одним словом, мне кажется, что я переехал в другую часть света; Берег! Берег!. С каким нетерпением приближаются они к отечеству; С какою радостию говорят о тех удовольствиях, которые ожидают их в Лондоне!*

После остановки в Дувре в шесть часов утра Карамзин и его слуга отправились в четырехместной карете в Лондон по лондонской дороге, ровной и гладкой, восхищаясь увиденными местами, увиденной землей, богатыми темно-зелеными и тучными лугами, где пасутся многочисленные стада, блестящие своею перловою и серебряною волною, прекрасными деревеньками с кирпичными домиками, покрытыми светлою черепицею, маленькими красавицами, которые держат в руках корзинки и продают цветы, замками богатых лордов, окруженных рощами и зеркальными прудами, множеством карет, колясок, верховыми, множеством хорошо одетых людей, которые едут из Лондона и в Лондон или из деревень и сельских домиков выезжают прогуливаться на большую дорогу; трактирами, возле которых стоят оседланные лошади и кабриолеты. Одним словом, заключает Карамзин, дорога от Дувра до Лондона подобна большой улице многолюдного города. Описание увиденного Карамзиным – это описание образа жизни Англии и англичан XVIII века, ее природы, ее богатства (стада овец, овечья шерсть – важнейшее достояние страны, то, что сделало Британию богатой, и о чем до сих пор свидетельствует мешок с шерстью, занимающий почетное председательствующее место в английском Парламенте), зажиточные деревенские жители, коляски, кареты, хорошо одетые люди, ровная и гладкая лондонская дорога – все то, что составляло жизнь и было достойно восхищения.

Таким образом, век XVIII-й был наполнен той культуруносной информацией, которая прочитывается Б. Брайсоном и в веке XX-м и тоже с положительными эмоциями. Значительная ее часть связана с описанием быта. По этому поводу Ю.М. Лотман отмечал, что: «... быт – это не только жизнь вещей, это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любов-

ный ритуал и ритуал похорон. Связь этой стороны быта с культурой не требует пояснений. Ведь именно в ней раскрываются те черты, по которым мы обычно узнаем своего и чужого, человека той или иной эпохи, англичанина или испанца» [3. С. 16].

Но перенесемся в современную реальность, уже в XXI век. Спустя многие годы в своей последней книге, опубликованной в 2015 году – «*The Road to Little Dribbling. More Notes from a Small Island*» Б. Брайсон вновь описывает свой визит в Дувр, хотя давал слово, что не будет посещать тех мест, о которых рассказывал в книге «*Notes from a Small Island*». Но автор ощутил потребность вновь взглянуть на Дувр, к которому он испытывал особое чувство, чувство заботы, не поддающееся объяснению. Возможно отчасти потому, что Дувр стал тем местом, куда впервые ступила его нога на английскую землю, как это было и с Н.М. Карамзиным. Это то место, которое Брайсону известно дольше других, он провел здесь первые 48 часов своего пребывания в стране. Наконец, Дувр ему просто понравился. В то время это было совсем неплохое место. Там были кинотеатры, пабы и рестораны и наполненная жизнью главная улица. Бесконечная суeta паромного порта и приезжающие люди способствовали торговле. Но в свой каждый последующий приезд автор все больше замечал перемены, которые происходили с Дувром, хотя и не терял надежды на то, что вновь услышит шум процветающего небольшого города, каким увидел его в свой первый визит: “*Of course, I knew nothing else of Britain at that point, but in those days Dover wasn't at all a bad place. It had cinemas and pubs and restaurants and a busy high street. The endless bustle of the ferry port clearly brought people and commerce to the town. But on every subsequent visit I have made to Dover it has visibly deteriorated*” [9. С. 43-44].

Писатель вспомнил как в книге «*Notes from a Small Island*» он писал о том, своем первом приезде в Дувр, как он заглядывал в окна фешенебельного отеля, где посетители обедали в атмосфере изысканной роскоши, которая была писателю не по карману. Когда он вновь приехал в Дувр на пароме из Кале, у него вдруг возникло импульсивное желание остановиться в том самом отеле Черчилль и пообедать там, чтобы ощутить вкус той жизни, которой он не мог себе позволить ранее. Но ощущения оказались весьма странными: “*In Notes from a Small Island, I wrote about arriving late and looking longingly into the windows of a posh hotel on the front, where people were dining in an atmosphere of elegance far beyond anything I could afford. The hotel was the Churchill. About seven or eight years ago, arriving in Dover on the car ferry from Calais, on an impulse I decided to stop at the Churchill for lunch – to treat myself to a little of the high life that I couldn't afford all those years ago. Well, it was a strange experience*” [9. С. 44].

Это был уже не тот фешенебельный отель, а скорее отель с претензией на фешенебельность и роскошь: “*The hotel still strived for an air of poshness, but it was based more on hope than merit*” [9. С. 44]. В обеденном зале кроме писателя не было никого. Меню, вместо тяжелого кожаного переплета, было заламинировано, и в нем было множество ошибок. Писатель заказал салат «*Цезарь*» – одно из самых известных и популярных блюд североамериканской кухни, названного по имени изобретателя этого блюда, американского повара итальянского происхождения – Цезаря Кардини. Когда салат принесли, его просто нечем было есть. Официантка, увидев озадаченный взгляд посетителя, спросила, не нужны ли ему приборы. Ответив, что нужны, писатель добавил, что он собирается есть салат. Официантка решила, что он должен был принести приборы с собой, и с негодованием пошла за ними: “*The waitress saw my look of puzzlement. 'Do you want some cutlery with that?' she said.*

'Well, yes,' I answered. 'It's a salad.

'I didn't know if you had your own,' she said grumpily, as if this were mostly my fault, and flumped off to get some” [9. С. 44].

Салат оказался похожим на суп, в котором плавали листья и что-то вроде кусочков цыпленка. Слабым утешением в тот момент была уверенность писателя в том, что никогда в его последующей жизни ему больше не придется отведать такого ужасного салата. Писатель понял также, что никогда больше не захочет остановиться в отеле Черчилль. Но вновь уже в другой приезд в Дувр автор оказался рядом с отелем, как если бы место обладало мазохистским магнетизмом, хотя, скорее всего, им двигала надежда увидеть изменения в лучшую сторону. Но, увы, отель был закрыт и вообще не функционировал. Последнее свидетельство роскошной жизни покинуло Дувр. Человек, прогуливающийся с маленькой собачкой, сказал писателю, что отель Черчилль закрылся пятью годами ранее, и что уже другой отель занимает часть старых владений. Писатель заглянул за угол и убедился в том, что прохожий был прав. Центральная часть отеля имела уже другое название – ***Dover Marina Hotel***. Имя У. Черчилля перестало быть популярным и значительным прецедентным именем, во всяком слу-

чае в Дувре. Владельцу (владельцам) отеля и Дувру потребовалось другое, более привлекательное и понятное современное название. Отель смотрелся как-то непривычно очень тихо. Писатель отметил, что в Дувре во многих местах теперь непривычно тихо. Кажется время оставило Дувр позади. Дешевые перелеты в Европу, Туннель под Проливом медленно убивают паромный бизнес. Да и сам Дувр способствует этому в немалой степени, Дувр умирает. Таков вердикт писателя, и вновь, как это было в «Notes from a Small Island», писатель поспешил в Лондон. Да, все меняется, даже в Англии, меняется та лингвокультурологическая, лингвострановедческая основа (и не только), тот местный колорит, благодаря которым Англия называлась «Старой, доброй Англией»!

Однако в продолжение впечатлений и выводов Б. Брайсона отметим, что события 2015–2016 г. и предшествующего периода, обрушившиеся со всей силой на страны Европы, огромный поток беженцев из стран Азии, Африки, Ближнего Востока, бегущих в Европу от войн, бомбежек, разрушений, нищеты, гибели и так рвущихся из Кале в Дувр в непоколебимой надежде на лучшую жизнь в Британии, гибнущих в Туннеле под Проливом, под колесами грузовиков на пути в Дувр через паромную переправу, поджигающих в знак протеста лагерь беженцев в Кале, еще больше изменили жизнь Дувра и других городов Британии, да и Франции, и французского Кале, внося заметные, а порой и необратимые разрушительные изменения в давно сложившуюся и привычную картину мира, воспринятую и описанную нашими путешественниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 2005. С. 17.
2. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1988.
3. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2015.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
6. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
7. Честертон Г.К. Писатель в газете: Художественная публицистика. М., 1984.
8. Bryson B. Notes from a Small Island. Edinburgh, 1995.
9. Bryson B. The Road to Little Dribbling. More Notes from a Small Island. L., 2015.

Поступила в редакцию 18.07.16

N.I. Pushina

PECULIARITIES OF THE AUTHOR'S PERCEPTION OF "FOREIGN" CULTURE AND ITS MANIFESTATION IN THE LANGUAGE: TIME, PLACE, EVENTS, PEOPLE

This paper presents the peculiarities of British culture perception and its manifestation in the language of the representatives of American and Russian cultures, of B. Bryson and N. Karamzin traveling along one and the same route from France to Britain, from Calais to Dover within the interval of 200 years, in the 20th and 18th centuries. The impressions are quite possible to compare, they are emotionally strong and fixed in the stylistics of the texts, reflect realia of the time and allow one to notice the dynamics of linguoculturological context, determined by the changes in social, cultural life of the society and its economic and technical progress. New visits of B. Bryson to Dover in the 21st century are marked by nostalgic feelings about the past, his sorrow for the lost, changes observed in modern Dover which slowly deprive the place of its glory and importance.

Keywords: author's perception, "foreign" culture, realia, precedential phenomena, precedential name, traditions, national character.

Пушина Наталья Иосифовна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: pushinanatalia@yandex.ru

Pushina N.I.,
Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: pushinanatalia@yandex.ru